

Его Высокопреосвященству

Высокопреосвященнейшему Митрополиту Виталию

Председателю Архиерейского Синода

Русской Православной Церкви Заграницей

Ваше Высокопреосвященство, Высокопреосвященнейший Владыко!

Очень давно уже, собственно, с первых дней возглавления Вами нашей Зарубежной Церкви, я с большим беспокойством и сердечной тревогой следил за тем, как быстро стала она скользить в пропасть административного развала и канонического хаоса.

Я все это время подавлял в себе желание откровенно высказать Вам свое беспокойство за судьбы нашей Зарубежной Церкви главным образом ввиду опасения, что всякое мое высказывание будет воспринято Вами как моя личная обида.

Поверьте, Владыко, что хотя у меня и не могло не быть чувства известного огорчения в отношении членов Собора и Вас лично, я по милости Божией ни к кому не питал никаких недружелюбных чувств. Как Вы и сами знаете, я всеми мерами старался и стараюсь в первую очередь руководствоваться интересами нашей Церкви и заграницей, и в России.

Я очень прошу Вас терпеливо выслушать мои наблюдения, касающиеся лет, когда я перестал быть секретарем Синода. Хотя я уже и не несу никакой формальной ответственности за последующие судьбы нашей Церкви, я не могу равнодушно наблюдать все происходящее теперь на моих глазах.

Наши беды начались с первого же Архиерейского Собора, состоявшегося после кончины Митрополита Филарета. На этом Соборе первым его незаконным актом было решение о предании следствию и суду о. Антония, которого члены Собора, фактически, лишили даже возможности подачи апелляции, ибо ему пришлось бы подавать ее тому Собору, который вынес незаконное постановление. Мое указание на нарушение канонов и консисторских правил было принято членами Собора только как пристрастие отца к сыну и никак не больше, а доклад о. В.Шишкова на имя Собора с указаниями на неканоничность производства по этому делу был принят как нанесение оскорбления Собору.

Может быть, Вы вспомните, что Вы самолично сказали о. Антонию, что хотели бы, чтобы он "исчез". Он тогда в полном недоумении спросил Вас, куда именно, на что Вы не соизволили дать ему ответа. Когда же он, по Вашему же собственному желанию, "исчез" из Зарубежной Церкви, Вы в спешном порядке объявили его подлежащим лишению сана, чего, слава Богу, не довершили. Этим актом наша Церковь лишилась исключительно трудоспособного и талантливого работника.

В результате Иерусалимская Миссия до сих пор так и не имеет своего Начальника, былой престиж наш в Иерусалиме (и в Патриархии, и в Израильском правительстве)

оказался совершенно уничтоженным; Палестинское Общество, всегда бывшее мирским и самостоятельным, - сейчас судится с Синодом, отстаивая свои права, а немалые средства, полученные о. Антонием за конфискованное 40 лет тому назад имущество - почти все растрочены на несколько ненужных судебных процессов.

Чтобы иллюстрировать отношение членов Собора того времени в отношении меня, не откажите вспомнить речь на банкете по случаю Вашего избрания. Тогда еще протопр. - о. Иоанн Легкий, приветствуя Вас, сказал, что радуется, что в моем лице Вы будете иметь такого же опытного и верного помощника, как и три Ваших предшественника.

К величайшему моему удивлению, проглядывая протоколы после окончания Собора, я увидел, что речь его была воспринята как "оскорбление всему Архиерейскому Собору". Это удивительное постановление так и осталось в протоколе как "назидание потомству".

В это время Вы предложили мне сохранить за собой имевшиеся в моем ведении приходы и прибавить к ним еще и несколько пеннсильванских. По Вашему указанию, я составил тогда список приходов, которые должны были войти в мою епархию. Но когда я пришел на заседание, то Вы задержали мой доклад по этому делу и резко обрушились на меня за мою "несостоятельность" как администратора и фактически поставили мне ультиматум: или самому подать прошение об уходе на покой, или же быть судимым Собором, хотя и неизвестно за что. Видя, что и Вы, и большая часть членов Собора ищите возможность изгнать меня из своей среды, я во имя церковного мира подал заявление об отставке, хотя ровно никакой вины, достойной суда и увольнения, я за собой не чувствовал. Причиной недовольства членов Собора было выставлено неумелое с моей стороны ведение дел в Риме, хотя я тогда полностью поддержал мнение посланного туда в качестве следователя Арх. Антония Лос Анжелосского.

Только покойный Арх. Серафим Чикагский, несмотря на уже предсмертную болезнь, написал Вам решительный протест против моего незаконного увольнения с Вашингтонско-Флоридской кафедры.

На этом же Соборе неожиданно было объявлено, что Секретарем Синода назначен Арх. Лавр, а его заместителем Еп. Иларион. В повестке Собора смена Секретаря не значилась. Мне пришлось самому указать Собору, что назначая на должность кого бы то ни было, надо предварительно освободить это место от другого лица, занимающего должность. Я сразу же подал в отставку. Меня, однако, не могло не беспокоить то, чего члены Собора не пожелали принять во внимание, а именно, что новый Секретарь Синода будет жить на расстоянии 200 миль от Канцелярии, а его заместитель - совершенно неопытный в канцелярской процедуре человек.

Мое такое скоропалительное удаление после 55 лет служения Зарубежной Церкви в должности Секретаря Синода (хотя и называвшейся в разное время по-разному) должно было показать нашим врагам, что у нас произошла революция, что,

несомненно, отразилось бы плохо на престиже Синода. Заботясь о возможном в данный момент сохранении достоинства Синода, я должен был сам указать Вам на это обстоятельство. Видимо, Вы и сами почувствовали тогда некоторую неловкость, и мне была выражена лаконичная благодарность. Дстойно внимания и то, что со мной обошлись, как с провинившейся горничной, именно в тот год, когда Собор постановил торжественно отмечать 50-летие со дня кончины Митрополита Антония. Собор совершенно игнорировал факт, что я не только был назначен на работу в Синод по личному желанию Митрополита, но и был одним из его ближайших и наиболее доверенных сотрудников.

Ввиду этого, отказалась от обязанностей Делопроизводителя Канцелярии моя дочь, которая в течение четырех десятков лет была моим негласным секретарем и ближайшей сотрудницей. У нее уже имелся громадный опыт работы при церковной администрации. Приняв безоговорочно ее отставку, Вы этим лишили Синодальную Канцелярию ее главного работника.

С моим и ее уходом сразу же закрылся Отдел Внешних Сношений Синода. Этот Отдел получал все большее и большее значение в глазах других Православных Церквей. Перепечатки из издававшихся им "Оповещений" уже стали появляться в официальных органах некоторых поместных Церквей. Это был новый удар по престижу Синода.

О расстройстве дел нашей Канцелярии я могу судить по ряду признаков. Так, мне из России были присланы копии Ваших писем Архиепископу Лазарю и Еп. Валентину. Во-первых, мне очень скоро удалось выяснить, что документы эти были неизвестны обоим Секретарям Синода, которым я и передал эти копии. К тому же, сам предмет этих писем по щекотливости своего содержания требовал бы представления Вами проекта их на обсуждение Архиерейского Синода. Но оказалось, что письма эти не только были отправлены без ведома Секретарей, но еще имели и целый ряд других дефектов, наглядно показавших несостоятельность Вашей личной Канцелярии. При наличии русских бланков, они были написаны в Россию на английских; у них не имелось не только номера, но даже и даты. В письме Арх. Лазарю не было указано, кому именно оно посылается, а титул Еп. Валентина был неполным. В довершение, и сам текст писем был далеко не на грамматической и стилистической высоте. К тому же еще выяснилось (что особенно страшно), что под обоими письмами стояла не Ваш собственноручная подпись, а факсимиле!

Благодаря неопытности Секретарей и полному незнанию или же намеренному игнорированию канонов, наша Церковь потеряла больше 20-ти приходо, два греческих монастыря и целый ряд клириков. Это привело наш Синод к еще одной громадной потере нашего престижа. Я уже не говорю о тысячах соблазненных нами мирян - греках и американцах. В числе ушедших от нас священников мы потеряли и несколько выдающихся, наприм. Мелехова, Палазиса, Карраса и др. Греческие священники, пожертвовавшие для перехода к нам своими очень богатыми приходоми, вдруг оказались выжитыми из Русской Церкви. Все канонические и

административные преступления против этих инородческих приходов приписываются ими Вашей личной антипатии ко всем не русским православным.

Синодальный дом перестал существовать как центр нашей администрации. Заседания Синодов и Соборов устраиваются, по большей части, в любом месте, только бы не в Синодальном Доме. При том, что Вы редко бываете в Нью Йорке, Вл. Иларион много отсутствует, а Канцелярия в его отсутствие не функционирует - в нашем былом центре часто не имеется ни одного ответственного лица, способного дать правильную информацию, или же понять, что надо делать с информацией, полученной со стороны. Нередко "ответственным" лицом оказывается очередной дежурный телефонист.

На Вашу секретаршу имеется много жалоб со стороны духовенства, посещающего Синод, главным образом за ее грубость и неприветливость. Мне известны случаи, когда она отказывалась связать Вас по телефону даже и с Епископами. Лично я не раз оказывался в таком положении. Впрочем, отказывая мне в связи с Вами, она со мной была вежлива. Но ее часто вызывающее поведение навлекает нарекания и по отношению Вас лично, ибо многое говорится и делается ею Вашим именем.

Синодальный собор, всегда славившийся своими уставными и очень благолепными соборными служениями, давно уже не имеет даже и одного постоянного священника. Роль такового старается посылно исполнять Вл. Иларион. Но люди, обращавшиеся в Синод за исполнением требы в его отсутствие, нередко получали мало вежливые отказы дежурных.

Постоянно сменяющиеся в соборе священники с видимым затруднением читают по церковно-славянски, делая ошибки даже и в часто повторяющихся субботних Евангелиях.

Не лучше обстоит дело и в Восточно-Американской епархии. Мне неоднократно приходилось слышать сетования наших священников на то, что со времени возглавления Вами этой епархии в ней ни разу не было епархиального Съезда, несмотря на то, что на пастырских съездах отцы настоятели Вас об этом настойчиво просили. У многих священников чувство оставленности Вами этой епархии, в особенности, когда они узнают о том, что в Канаде епархиальные съезды бывали.

У некоторых стало вызывать беспокойство опасение потерять гарантию сохранения своего приходского имущества. Так, имущество Восточно-Американской епархии и при нем приход в Глен Кове вдруг было объявлено собственностью Архиерейского Синода, давно уже намеревавшегося закрыть приход, а недвижимость епархии продать в свою пользу.

Что касается наших дел в России, то Вы и сами знаете, сколько докладов я сделал по этому вопросу, ни разу не получив на них никакой реакции, ни Вашей лично, ни со стороны Канцелярии Синода.

Особенно огорчило меня Ваше запрещение мне в марте месяце представить лично свой доклад Синоду и принять участие в суждениях по его содержанию. Это

совершенно беспрецедентный случай в истории Зарубежной Церкви. Я не знаю ни одного случая, когда Епископу было бы отказано в праве огласить свой доклад Синоду.

Актуальность моего доклада подтвердилась последовавшими одно за другим событиями в России. Правильно поставленная администрация должна предупреждать события, а не только наспех реагировать на них, как это совершенно очевидно происходит теперь. В результате мы довели дело возможного возрождения Церкви в России до самого нежелательного конца.

Гонимые завистью и злобой, некоторые наши Преосвященные оказали влияние на весь курс нашей церковной политики в России. Вследствие этого, наш Синод не понял смысла миссии нашего существования за границей.

Как я предупреждал Синод в своем последнем докладе, мы сделали абсолютно все возможное для того, чтобы вынудить Российских Преосвященных отделиться от нас административно.

Им пришлось исходить из Постановления Патриарха Тихона от 7/20 ноября 1920 г. за j 362 для того, чтобы окончательно не погубить начавшегося дела возрождения Русской Церкви в нашем Отечестве. Наш же Синод, не имея перед глазами ничего, кроме карательной тактики, исходит только из положений нормализованной церковной жизни. А между тем, Постановление Патриарха имело в виду сохранение церковного строительства в совершенно беспрецедентных исторических и церковных обстоятельствах.

Указ составлен на разные случаи, вплоть до способов восстановления Церковного Управления в условиях даже его упразднения (см. ст. 9) и "крайней дезорганизации церковной жизни". Эта задача ставится для исполнения любому уцелевшему архиерею, только бы он был подлинно православным.

В таком положении почувствовали себя Российские Архиереи, когда почти два года подряд их запросы и обращения оказать поддержку против притеснений со стороны Московской Патриархии встречались полным молчанием со стороны нашего Синода.

Видя канонический хаос, вызванный в их епархиях Епископом Варнавой, и молчаливое попустительство в отношении к нему Синода, Российские Архиереи пришли к заключению, что иного способа не губить всего дела нет, кроме как им руководствоваться патриаршим Постановлением за j 362.

Наш Синод незаконно убрал на покой Епископа Валентина за принятие им громадного прихода в Ногинске, который надеялся для себя получить Еп. Варнава, но никак не реагировал на то, что этот же Еп. Варнава предательски опозорил Синод, от его имени подавши прошение о принятии в общение с украинским самосвятом!

Я не знаю, читали ли на заседании Синода полный текст Постановления от 7/20

ноября. Я и сам раньше уделял ему сравнительно мало внимания, а теперь, прочитав его, вижу, что Российские Преосвященные имеют полное право на него ссылаться, и это обстоятельство вскроется в неизбежно предстоящей теперь полемике. Я боюсь, что своими решениями Синод уже открыл путь к этой нежелательной полемике, а она будет угрожать расколом не только в России, но и у нас здесь.

Односторонний подход любителей расколов очень опасен. Перед нами пример Лос Анжелосской епархии, как можно по строгости без любви и привязанности к карательной акции свести небольшую епархию (около 10 приходов) - к всего лишь одному!

Есть вещи, которых остановить никак нельзя, и от совершившегося факта - тоже никак не уйти. Если наш Синод сейчас не оценит правильно происшедшего исторического момента, то и так уже бесконечно подорванный его престиж (особенно в России) - будет окончательно и бесславно погублен.

Все годы существования Зарубежной Церкви мы пользовались уважением и славой ни за что иное, как за бескомпромиссную верность канонам. Нас ненавидели, но не смели не уважать. Теперь же мы показали всему православному миру, что каноны для нас пустой звук, и мы стали посмешищем в глазах всех, кто только имеет какое-то отношение к церковным вопросам.

Вот Вы и сами, на Соборе в Лесне изволили сказать нам, его участникам, что сейчас не время разбираться в канонах, а надо быстро действовать. Вы, будучи кормчим церковного корабля, торжественно, перед всем Собором, объявили нам, что теперь надо торопиться плыть без руля и без ветрил. Тогда Ваши слова повергли меня в большое смущение, но я, зная Ваше раздражение против себя от того, что настаиваю на необходимости жить по канонам, все же надеялся, что не все еще потеряно и что наши Преосвященные как-то отряхнутся от всего этого кошмара последних лет.

Подумайте, Владыко, о десятках тысяч соблазненных нами православных людей и за границей, и в России. Не успокаивайте себя мыслью, что если где-либо вина и есть, то она поровну ляжет на всех наших архиереев. Основная вина все же будет на Вас, как на вожде нашего Собора. Мне приходилось слышать от некоторых Преосвященных, что бывает, что Синод постановляет одно, а Вы потом, не считаясь с бывшими постановлениями, самолично их или меняете, или же попросту отменяете.

Вот и сейчас, как стало уже довольно широко известно, после бурного мартовского заседания Синода, он разошелся, не вынеся ни одного постановления. На нем обсуждался вопрос об запрещении в священнослужении Российских Архиереев и, тем не менее, Вы требовали от Секретариата отправки указа об запрещении епископов, на находившихся даже и под следствием. И с точки зрения 34-го Апостольского правила, и церковно-административной - это беспрецедентное беззаконие.

Вспомните, Владыко, Вашу обличительную речь Митрополиту Филарету, когда в

1985 г. Вы минут 10 подряд громили его за нарушение 34-го Апостольского правила. Преступления Митрополита Филарета представляются мне совершенно ничтожными в сравнении с тем, что имеет место теперь. Он только награждал иногда по просьбе своего келейника чужих клириков, но никогда не вмешивался в дела епархий своих собратий, как стали делать это и лично Вы, и некоторые наши Преосвященные. О. Никита не смог добиться от покойного Митрополита тех неканонических актов, которыми теперь пестрит деятельность Еп. Варнавы и некоторых других с Вашего молчаливого согласия, как Первоиерарха, которому все эти обстоятельства должны быть хорошо известны.

Простите, Владыко, если мое письмо причиняет Вам огорчение. Я отнюдь не имел и не имею целью Вас уязвить и обидеть. Перечисляя сейчас в хронологическом порядке результаты Вашего правления последних лет (куда невольно пришлось включить и некоторые нарушения правил в отношении меня и о. Антония) - я отнюдь не имел целью жаловаться на свою судьбу. Вам, конечно, должно быть известно, что я ни разу не высказал никакой обиды или жалобы личного характера. Я пишу это письмо только для того, чтобы наглядно показать Вам, как съехавши с канонических рельс в 1985 году, мы стали все больше и больше отходить от основных церковных канонов и правил нашей Поместной Церкви и теперь довели все дела в России и у нас за границей до самых печальных результатов.

Я был свидетелем и участником славного периода жизни Зарубежной Церкви, а теперь с болью смотрю на то, что считаю уже бесславным ее концом.

Рост наших заграничных приходов со смертью Митрополита Филарета прекратился. У нас не имеется никаких кандидатов для замещения архиерейских кафедр, что свидетельствует о том, что мы постепенно будем уменьшаться. И вот в этот-то судьбоносный момент мы запросто отказываемся от с такими трудами налаженной связи с Россией.

Наш Синод должен понять, что мы сами своими действиями вызвали ускоренный административный отход от нас Российских Архиереев. Он так или иначе должен был произойти на основании Постановления Патриарха Тихона от 7/20 ноября 1920 г. и нашего же собственного "Положения о Русской Православной Церкви Заграницей". Если мы сейчас этого не поймем, то только продемонстрируем перед всем миром нашу полную несостоятельность и такое же непонимание всей возложенной на нас Промыслом Божиим исторической миссии.

Российские Архиереи в резолюции от 22 марта заявили о своем молитвенном единении с нами и вознесении Вашего имени за богослужениями, а мы, вместо понимания беспрецедентного положения церковных дел в России и не думая о церковном строительстве и десятках тысяч соблазненных нами людей - отвечаем на все только канонами, предусмотренными для применения в нормальных обстоятельствах.

Вам совершенно необходимо резко и решительно повернуть руль нашей

администрации в сторону соблюдения канонов, пока еще не поздно.

Не допустите же, Владыко, чтобы Ваше имя в истории Русской Церкви было связано не с продолжением мирного строительства церковной жизни, а с резким и позорным ее разрушением и в России, и Заграницей.

24 марта/6 апреля 1994 г.

Епископ Григорий.